

Годъ изданія пятый.

МАРТЪ.

№ 10.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

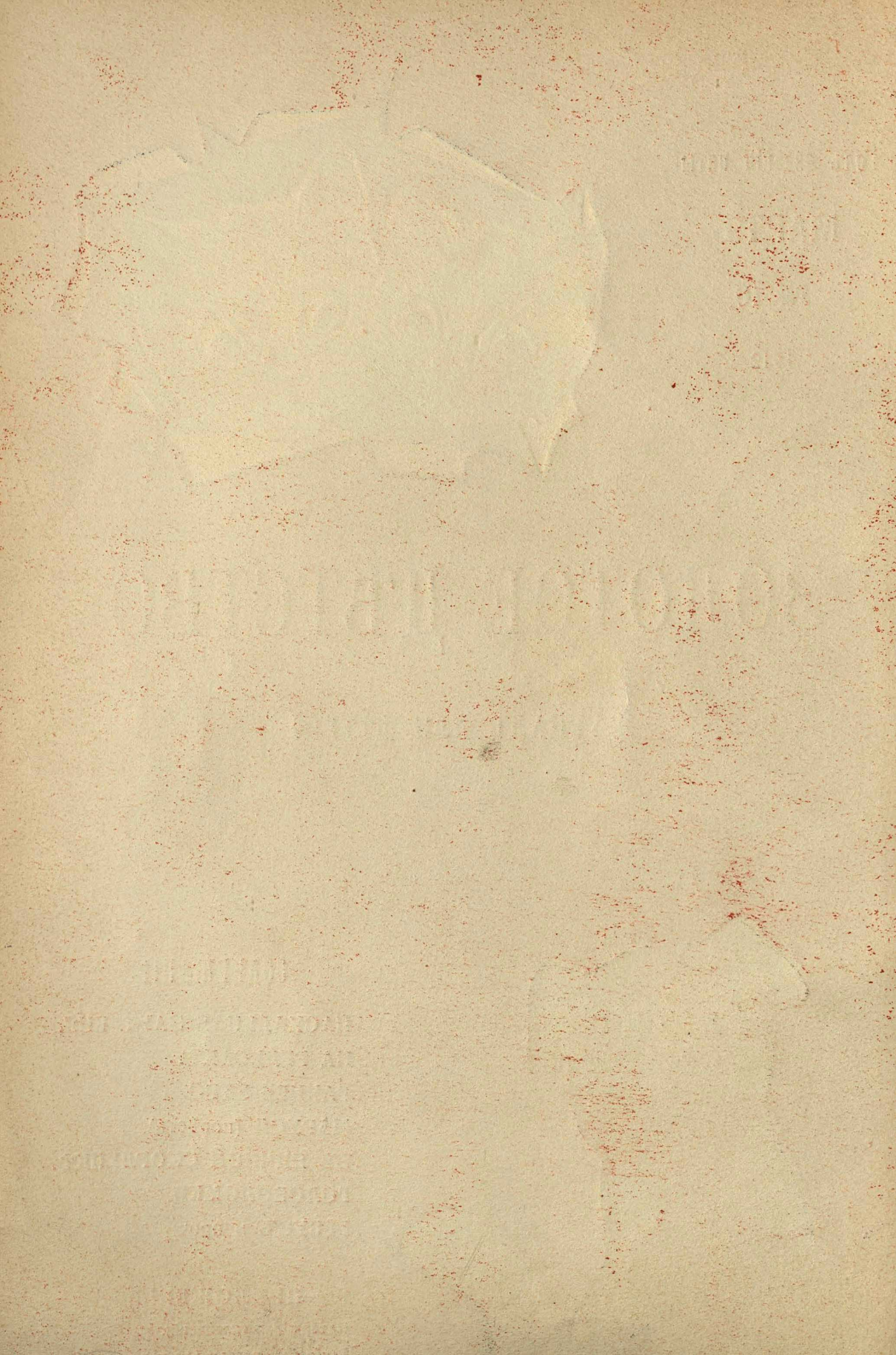
СОДЕРЖАНІЕ:

ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ.
НА РЕЛЬСАХЪ.
РАННЕЕ УТРО.
МАРУСЯ (повѣсть).
ВЪ ЯИЧНОЙ СКОРЛУПКѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Катерь для склеиванія.
Выкройка платья для дѣвочки 6-8 лѣтъ.

№ 10. Мартъ 1912. Годъ издания V. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

≡ Редакція проситъ подписчиковъ по разсрочкѣ послѣшить высылкой слѣдующую съ нихъ взноса до 1-го Апрѣля, чтобы не было перерыва въ высылкѣ имъ журнала. ≡

Христосъ Воскресъ!

ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ.

Христось воскресь! Двѣнадцать ужъ пробило
И пѣнье въ воздухѣ волною пронеслось,
Изъ храма множество народа повалило,—
То обхожденіе вокругъ церкви началось.

Христось воскресь! На паперти нѣтъ входа:
Пустая церковь заперта и ждетъ,
Когда со множествомъ пришедшаго народа
Священникъ съ клиромъ снова въ храмъ войдетъ.

Но вотъ пришелъ онъ, сталъ передъ дверями
(А звонъ несется чуть не до небесъ),
Вокругъ него столпились съ хоругвями...
И вдругъ воскликнулъ онъ: — „Христось воскресь“!

— „Воистину воскресь“! И двери распахнулись
И, кто какъ могъ, со свѣчкой въ церковь влѣзъ
Толпы народа встали, всколыхнулись
И слышится отъ всѣхъ: — „Воистину воскресь“!

И началась торжественная служба.
— „Христось воскресь“! глаголятъ всѣ уста...
О, милость, о, любовь, о, искренняя дружба,
Сегодня праздникъ вашъ, сегодня день Христа!

Кузнечикъ.

НА РЕЛЬСАХЪ.

Въ Швейцаріи, подъ самыми об- камни. Набивъ ихъ цѣлую кучу,
лаками, тамъ, гдѣ черезъ Альпій- онъ разбрасывалъ ихъ по шоссе
скія горы проходитъ шоссе изъ и переходилъ къ другому мѣсту,
Люцерна въ Миланъ и идѣ почти гдѣ требовалась его работа. За это
нѣтъ уже никакой растительности онъ получалъ кое-какія деньги, на
и летаютъ одни только орлы, каж- которыя содержалъ себя и своего
дый день сидѣлъ итальянецъ Эн- сынишку Габріеля, и часть кото-
рико и тяжелымъ молотомъ билъ рыхъ отсылалъ въ Италію къ сво-

ей женѣ, на рукахъ у которой было еще двое маленькихъ дѣтей.

Габріель помогаль своему отцу. Оба они вставали чуть свѣтъ, брали съ собой хлѣба и воды и выходили на работу. Всю жизнь свою они проводили подъ открытымъ небомъ. Шоссе было длинное, до постоянныхъ дворовъ было далеко и, куда заводила ихъ работа, тамъ они и располагались на ночлегъ. Они спали прямо на голой землѣ, подложивъ камень подъ голову, а если погода стояла сухая, то Габріель набираль горнаго мху и высохшей дикой травы, клалъ ихъ въ канаву, которая шла сбоку шоссе, и устраиваль въ ней постель для себя и для своего отца. Надъ ними проносились сѣдые туманы, пролетали орлы и иногда пугливыя серны выходили стадомъ изъ за скалы и съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ большими, круглыми глазами. Вся жизнь человѣческая шла гдѣ-то помимо нихъ, внизу, гдѣ въ долинахъ текли рѣки, блистали озера и гдѣ были расположены деревни и города. Тамъ, внизу, зеленѣли веселые сады и виноградники, а здѣсь на нихъ грозно глядѣли снѣговыя вершины Альпійскихъ горъ и только разъ или два за цѣлый день мимо нихъ проѣзжали экипажъ или какая-нибудь простая телѣга. Когда-то по этому шоссе шла бойкая, шумная жизнь. Это шоссе было единственной нитью, связывавшей Сѣверную

Европу съ Италіей, а теперь - хитрый человѣкъ прорылъ сквозь Альпійскій хребетъ туннель, провелъ сквозь него желѣзную дорогу и теперь бѣдное шоссе опустѣло. Тѣмъ не менѣе его починаютъ, держутъ его въ постоянной исправности и вотъ уже цѣлые два года, какъ Энрико и его маленькій Габріель съ утра и до вечера бьютъ на немъ камни.

— Вотъ-бы намъ съ тобой поступить на службу на желѣзную дорогу!.. часто говорилъ своему сыну Энрико. — Особенно въ путевые сторожа... Тогда намъ дали-бы будку, мы поселились-бы въ ней и выписали-бы къ себѣ твоихъ мать, братишку и сестру!

Габріель не видѣлся съ матерью уже два года и очень по ней скучаль. Онъ любилъ ее и тосковаль по ней такъ, что ему иной разъ чудилось, будто онъ слышитъ ея голосъ, и онъ даже оборачивался назадъ. Онъ часто видѣлъ ее во снѣ. Привыкшій у себя на родинѣ къ теплomu мягкому климату, въ которомъ созрѣвали апельсины и цвѣли душистые цвѣты, онъ никакъ не могъ согрѣться по ночамъ подъ облаками, на самой вершинѣ Альпійскихъ горъ, гдѣ съ ледниковъ и съ вѣчныхъ снѣговъ на него каждую ночь дышала зима.

«Вотъ-бы отцу поступить на желѣзную дорогу!» мечталь и онъ. — «Тогда мы жили-бы въ будкѣ и мама тоже жила-бы съ нами! Мимо

насъ проходили-бы поѣзда и мама варила-бы для насъ супъ...»

Онъ такъ давно не ѣлъ супа! Вотъ уже два года, какъ онъ питается однимъ только хлѣбомъ да водой и только иногда пьетъ козье молоко, когда пастухъ въ рѣдкія недѣли прогоняетъ мимо него и его отца своихъ козъ. Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ поѣлъ горячихъ макаронъ или выпилъ чашку кофе, которымъ поила его когда-то мать! Съ какимъ удовольствіемъ онъ протянулъ-бы ноги на мягкой постели, сдѣланной изъ сухой душистой соломы или изъ только что скошенной свѣжей травы! И въ его дѣтскомъ воображеніи всѣ эти и супъ, и кофе, и постель связывались съ представленіемъ о желѣзнодорожной будкѣ и эта будка стала его завѣтной мечтой. Онъ думалъ о ней больше, чѣмъ его отецъ.

И вдругъ исполнились его мечты!

Однажды, когда наступилъ срокъ получать жалованіе, Энрико взялъ съ собою Габріеля и отправился съ нимъ внизъ, въ шоссейную контору.

— Тебя давно уже ожидаетъ здѣсь казенный пакетъ! обратился къ нему дорожный мастеръ.

Энрико взялъ пакетъ, распечаталъ его и лицо его освѣтилось улыбкой. У Габріеля отъ волненія забилось сердце.

-- Наконецъ - то! воскликнулъ

Энрико.—Наконецъ-то меня услышали Христось и Пресвятая Дѣва Марія!

— Что такое? спросили его въ одинъ голосъ и Габріель, и дорожный мастеръ.

— Я назначенъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ... Теперь у меня будетъ своя будка и въ ней свое родное гнѣздо!

Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ наслажденіемъ оба они отправились къ мѣсту своего служенія! Предназначенная имъ для жительства будка представляла собой домикъ въ одну комнату съ печью, съ маленькимъ палисадникомъ и колодцемъ и была расположена на самомъ днѣ ущелья, вдоль котораго проходило желѣзнодорожное полотно. Мѣсто было неважное, сырое, но показалось имъ раемъ. Послѣ двухлѣтней бездомной жизни подъ облаками, почти у самыхъ ледниковъ, ихъ бѣленькая уютная будка казалась имъ дворцомъ, а двѣ бѣлыя акаціи, росшія въ ея палисадникѣ, казались имъ роскошнымъ садомъ.

— Теперь я выпишу сюда свою жену съ дѣтьми, сказалъ Энрико,— и она разведетъ здѣсь своихъ собственныхъ куръ. Мы заведемъ также и свою козу и она будетъ поить насъ своимъ молокомъ...

Боже мой, какое счастье! У нихъ будутъ свои собственные куры и коза! Съ какимъ увлеченіемъ Габріель будетъ ихъ кормить, какъ

ему будетъ весело играть съ братомъ и сестрой и съ какою нѣжностью онъ положитъ голову къ матери на колѣни и будетъ слушать ея рассказы про Италію! Потомъ она сваритъ для него супъ...

И пока его отецъ писалъ къ матери письмо, онъ сидѣлъ у себя въ избушкѣ, подъ крышей, гдѣ не мочило его дождемъ и не дулъ на него съ ледниковъ рѣзкій вѣтеръ,— и улыбался во все свое дѣтское, загорѣвшее лицо.

— Черезъ два дня твоя мать уже получитъ это письмо!.. сказалъ ему отецъ, запечатывая письмо въ конвертъ.— Два дня она будетъ собираться, а еще черезъ два дня будетъ уже здѣсь. Я такъ полагаю, что черезъ недѣлю мы будемъ въ сборѣ уже всѣ...

И Габріель сталъ поджидать свою мать. Вокругъ него громоздились скалы, къ которымъ высоко въ расщелинахъ прилѣпились могучія, вѣковыя сосны, проходили мимо него поѣзда, которые были для него новинкой, и какъ прежде на вершинѣ Альпійскихъ горъ, на шоссе, такъ и теперь его отецъ былъ занятъ цѣлый день на полотнѣ желѣзной дороги: онъ разматывалъ камушки около рельсъ, осматривалъ самыя рельсы, завинчивалъ на нихъ каждый болтъ и каждую гайку, удостовѣрялся въ цѣлости и исправности пути и только тогда уже выходилъ навстрѣчу поѣзду и со спокойной совѣстью развер-

тывалъ передъ нимъ зеленый флагъ.

— Проѣзжай съ Богомъ! обращался онъ къ локомотиву.— Путь исправленъ!

Привыкшій только къ грубымъ крестьянскимъ телѣгамъ и къ медленной рысцѣ лошадей, съ трудомъ поднимавшихся вверхъ по шоссе, Габріель никакъ не могъ наглядѣться на желѣзнодорожный поѣздъ. Заслышавъ еще издали звукъ приближающагося поѣзда, онъ всякій разъ выбѣгалъ къ нему на встрѣчу и не могъ оторвать отъ него глазъ. Ему нравились и эта быстрота, съ которой локомотивъ и вагоны скользили по рельсамъ, и этотъ шумѣвшій и пыхтѣвшій локомотивъ, который такъ былъ похожъ на живое существо, и этотъ дымъ, длинный, клубистый, который протягивался изъ края въ край и затѣмъ растаивалъ въ воздухѣ, и этотъ пронзительный, рѣзкій свистъ. Онъ смотрѣлъ жадными глазами на вертѣвшіяся колеса, на вагоны, изъ которыхъ выглядывали тысячи пассажировъ, и любилъ поѣзда всей своей душой. Глядя на пассажировъ, онъ воображалъ себя ихъ близкимъ человекомъ, старался войти въ ихъ жизнь, представлялъ себѣ ихъ прощанія, поцѣлуи съ родными, ихъ радости и горе и встрѣчи, ожидавшія ихъ впереди. И снявши съ себя шапку, онъ начиналъ махать ею пассажирамъ и маленькій, ху-

денькій, провожалъ ихъ пожеланіемъ счастливаго пути.

— Добрый путь!—кричалъ онъ имъ во весь голосъ.—Счастливаго пути!

Наступилъ вторникъ, но мать не пріѣхала. Прошла еще недѣля, но о ней все еще не было ни слуху, ни духу. Энрико и Габріель стали беспокоиться.

— Должно быть, ее что-нибудь задержало,—сказалъ отецъ, чтобы только успокоить Габріеля. — Вѣроятно, она не успѣла еще распродать свой хламъ!

Но въ душѣ онъ волновался даже больше, чѣмъ Габріель. Подъ конецъ онъ не выдержалъ и рѣшилъ послать женѣ телеграмму.

— Я пойду сейчасъ въ сосѣднее селеніе Ферроло, — обратился онъ къ сыну. — Нужно купить тамъ муки и крупы. Черезъ часъ долженъ пройти мимо насъ пассажирскій поѣздъ. Къ тому времени я вернусь. Если же не вернусь, то ты выйди и помахай ему зеленымъ флагомъ. У меня все въ порядкѣ.

Оба флага—и красный, и зеленый, — висѣли у него въ кожаномъ чехлѣ на поясѣ. Простившись съ сыномъ, онъ позабылъ ихъ съ себя снять и такъ и ушелъ съ ними въ Ферроло.

Габріель остался одинъ. Ему поручено показать поѣзду, что путь свободенъ. Гордый довѣріемъ, которое оказалъ ему отецъ, онъ сталъ ходить вдоль полотна желѣзной

дороги и съ серьезнымъ видомъ осматривать гайки и болты. Онъ ничего въ этомъ не понималъ, но дѣлалъ такъ, какъ и его отецъ. Осмотрѣвъ все, онъ отошелъ къ сторонкѣ и сталъ собирать какіе-то голубые цвѣточки, которые росли сбоку полотна въ канавѣ. Все время онъ думалъ о матери. Сейчасъ онъ нарветъ цѣлый букетъ и поставитъ его въ своей избушкѣ на столѣ. Быть можетъ, завтра пріѣдетъ его мать и ей будетъ это пріятно.

И вдругъ гдѣ-то вдали раздался какой-то страшный грохотъ. Точно катился какой-то громадный шаръ. Габріель вздрогнулъ, вскочилъ и напрягъ свой слухъ. Грохотъ прекратился.

— Что-бы это могло быть?.. — подумалъ Габріель и отправился къ себѣ домой.

Не дойдя до своей избушки и пятидесяти шаговъ, онъ въ испугѣ остановился: громадная глыба камня свалилась сверху и легла прямо на рельсы. Это она произвела при паденіи тотъ гулъ, который услышалъ Габріель пять минутъ тому назадъ. Если теперь пройдетъ пассажирскій поѣздъ и его во-время не предупредить объ этой опасности, то онъ налетитъ на этотъ камень, сойдетъ съ рельсъ и случится катастрофа.. Успѣетъ ли отецъ Габріеля вернуться до тѣхъ поръ, чтобы очистить путь? Имѣлъ-ли право онъ отлучаться

съ мѣста службы хотя-бы даже на полчаса?

И собравъ всѣ свои силы, мальчикъ уцѣпился пальцами за выступы камня и попробовалъ было сдвинуть его съ рельсъ. Онъ уперся ногами въ шпалы, напрягъ всѣ свои члены, навалился на него всѣмъ своимъ маленькимъ тѣлцемъ, но камень не пошевелился. Что оставалось дѣлать? Продолжать-литратитьдрагоценное время?

— Боженька, помоги мнѣ! — прошепталь онъ. — Пресвятая Дѣва Марія! Что мнѣ дѣлать? Я долженъ предупредить поѣздъ, но отецъ унесъ съ собой и красный флагъ!

И его воображенію представилась ужасная картина: поѣздъ ударяется о камень, сходитъ съ рельсъ, изъ локомотива выскакиваютъ языки пламени и вырывается съ шипѣніемъ паръ, весь поѣздъ представляетъ изъ себя страшную, исковерканную массу, изъ подъ которой слышатся крики, вздохи, стоны о помощи. Кругомъ валяются тѣла убитыхъ — все это матери, дѣти, отцы, которые, быть можетъ, ѣхали для радостнаго свиданія съ родными и вотъ нашли здѣсь свой конецъ, — и только потому, что отецъ Габріеля самовольно ушелъ въ Ферроло за мукой!

Что теперь ожидаетъ его отца? Какъ онъ отвѣтитъ за такую катастрофу? Конечно, онъ потеряетъ свое мѣсто, быть можетъ, его даже заключать въ тюрьму...

Страшныя мысли пробѣгаютъ въ головѣ у Габріеля; все спутывается у него въ мозгу: катастрофа, эти сотни труповъ, десятки раненыхъ. Затѣмъ безработица и арестъ отца... Нѣтъ, онъ не долженъ этого допускать! Ни за что на свѣтѣ онъ не долженъ губить своего отца! Отецъ оказалъ ему такое довѣріе, что оставилъ его одного, и онъ напряжетъ всѣ свои усилія, чтобы предупредить катастрофу.

Но какъ это сдѣлать?

Поѣздъ будетъ мчаться съ быстротой восьмидесяти верстъ въ часъ. Если побѣжать сейчасъ далеко впередъ и крикнуть машинисту, то успѣтъ-ли онъ во-время прекратить паръ и остановить поѣздъ хотя-бы у самого камня?

И Габріель бѣжитъ. Ноги едва его несутъ, дыханіе сперлось у него въ груди и крупный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ бѣжитъ и думаетъ, чѣмъ-бы ему замѣнить красный флагъ? Все равно, при страшномъ грохотѣ поѣзда въ ущельѣ, машинистъ не услышитъ его дѣтскаго голоса, какъ-бы громко онъ ни кричалъ. Что, если вернуться сейчасъ обратно къ себѣ въ сторожку, порыться въ вещахъ отца и найти его красную рубашку? Тогда-бы можно было ею помахать и поѣздъ остановился-бы. Но теперь уже поздно. Если Габріель побѣжитъ домой, то не успѣтъ уже вернуться назадъ, до того мѣста, гдѣ поѣзду нужно по-

Ранней весной.

Пора позавтракать.

махать. Отецъ сказалъ ему, что отъ опаснаго мѣста и до поѣзда должно быть не менѣе ста сажень.

— Какъ-же быть? — недоумѣваетъ мальчикъ. — Что я теперь долженъ дѣлать?

Онъ бѣжитъ, шаритъ въ карманахъ и вдругъ находитъ въ одномъ изъ нихъ платокъ. Кажется, онъ красный!.. Габріель вытаскиваетъ его и развертываетъ его на ходу. Увы! платокъ когда-то былъ краснымъ, но теперь, послѣ частой стирки полинялъ. Только одна рамка на немъ остается блѣдно-краснаго цвѣта, но замѣтитъ-ли ее машинистъ? Солнце заходитъ уже за горы и въ ущельѣ становится пасмурно и сѣро. Только однѣ сосны наверху еще окрашены солнцемъ.

Мальчикъ бѣжитъ во весь духъ.

Какъ только покажется изъ туннеля поѣздъ, то онъ замахаеъ ему платкомъ. Если машинистъ не замѣтитъ платка, то онъ станетъ ему кричать... А что, если онъ не услышитъ и его голоса?..

Холодный потъ выступаетъ у Габріеля на лбу.

— Господи, помоги мнѣ!.. — шепчетъ онъ. — Святая Дѣва Марія!..

Но вотъ уже въ глубинѣ туннеля слышится знакомый шумъ и лязгъ желѣза. Это идетъ уже поѣздъ. Шумъ становится все ближе и ближе, пыхтѣнье и шипѣнье дѣлается все слышнѣе и слышнѣе и вотъ наконецъ изъ темной дыры

въ горѣ выскакиваетъ поѣздъ и, точно обрадовавшись воздуху и свѣту, весело взвизгиваетъ свисткомъ и выпускаетъ клубы паровъ.

Что его теперь можетъ остановить? Мальчикъ машетъ ему полинявшимъ платкомъ, кричитъ ему во весь голосъ, но мгновенія бѣгутъ скорѣе, чѣмъ движется поѣздъ, и, убѣдившись, что съ поѣзда его не замѣчаютъ, Габріель сбѣгаетъ на полотно и самъ ложится на рельсы.

Конечно, его маленькое тѣльце остановить поѣздъ! Машинистъ догадается, что проѣхалъ по человѣку, и успѣетъ остановить локомотивъ до встрѣчи съ камнемъ. Алая кровь Габріеля будетъ краснѣе, чѣмъ его полинявшій платокъ и всѣ красные флаги въ мѣрѣ!.. Еще мгновеніе и его не станетъ. За то будутъ спасены пассажиры и Энрико убѣдится, что его сынъ сумѣлъ исполнить свой долгъ до конца!

Габріель ложится на рельсы, закрываетъ глаза и лишается чувствъ. Чудовище свиститъ ему, выпускаетъ пары, шипитъ, шумитъ, гремитъ, но мальчикъ уже болѣе его не слышитъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько тревожныхъ свистковъ, поѣздъ сдерживаетъ свой ходъ и громадный, безжалостный, но послушный, какъ ребенокъ, локомотивъ, останавливается около самаго тѣльца маленькаго, тоже послушнаго, но полнаго жалости къ людямъ Габріеля.

Машинистъ, его помощникъ и кочегаръ спрыгиваютъ съ локомотива и подбѣгаютъ къ мальчику. Пассажиры, испугавшіеся внезапной остановки поѣзда, тоже выскакиваютъ изъ вагоновъ и бѣгутъ къ локомотиву.

— Что такое? Что случилось?— спрашиваютъ они.— Почему остановился поѣздъ?

И имъ отвѣчаетъ машинистъ:

— Мальчика чуть не задавили!.. Но я замѣтилъ его еще издали и успѣлъ остановить поѣздъ.

— Почему-же онъ оказался на рельсахъ?

— Глупенькій! Вѣроятно, онъ на нихъ игралъ и заснулъ!

— Но почему онъ такъ блѣденъ? Почему онъ не пробуждается отъ нашихъ голосовъ?

Мальчикъ приходитъ въ себя, открываетъ глаза и видитъ передъ собою массу лицъ. Все это люди, которыхъ онъ спасъ. Онъ улыбается во все лицо и чуть слышно произноситъ:— „Слава Богу“!

— Онъ проснулся! Онъ пришелъ въ себя!— раздаются голоса.

Габріель поднимается на ноги и озирается по сторонамъ. Около него стоитъ, точно потухъ, локомотивъ; во всѣхъ вагонахъ двери отворены настежъ и изъ всѣхъ оконъ высунулись головы пассажировъ и съ любопытствомъ на него глядятъ. Вокругъ него собралась цѣлая толпа.

— Гадкій, дрянной мальчишка!—

кричалъ на него какой-то старичекъ.— Изъ-за твоего глупаго сна долженъ былъ остановиться цѣлый поѣздъ!

Но Габріель смотритъ на какого-то смуглаго господина въ кожаной курткѣ и съ грязными руками и догадывается, что это машинистъ.

— Тамъ... тамъ впереди...— говоритъ онъ ему прерывающимся голосомъ.— Свалился съ горы камень и лежитъ на рельсахъ... Чтобы поѣздъ на него не налетѣлъ и чтобы... не погибли вотъ всѣ эти люди, я забѣжалъ впереди и... легъ на рельсы самъ.

Машинистъ глядитъ по указанному направленію и своимъ зоркимъ глазомъ видитъ, что на полотнѣ дѣйствительно лежитъ большая глыба камня. Онъ бросается къ ней съ кучкой пассажировъ и они отваливаютъ эту глыбу прочь. Затѣмъ машинистъ и его помощникъ скрѣпляютъ рельсы и возвращаются на паровозъ. Около него все еще стоитъ Габріель и, уже успокоившись и придя въ себя, съ любопытствомъ разглядываетъ его винтики и рычаги.

— Храбрый мальчикъ!— обращается къ нему машинистъ.— Ты совершилъ геройскій поступокъ. Безъ тебя насъ всѣхъ не было-бы въ живыхъ!..

Габріель смотритъ ему въ глаза и не понимаетъ, за что онъ называетъ его храбрымъ. Развѣ онъ

сдѣлалъ не то, что сдѣлали-бы на его мѣстѣ и всѣ другіе?

Затѣмъ всѣ пассажиры входятъ въ вагоны, раздаются свистокъ и поѣздъ трогается съ мѣста. Точно обрадовавшись свободѣ, онъ выпускаетъ клубы пара и Габріель еще долго слышитъ громъ его колесъ. Онъ стоитъ сбоку полотна, смотритъ ему вслѣдъ и когда уже поѣздъ скрывается изъ виду и въ горахъ замолкаетъ послѣднее эхо отъ его движенія, то мальчикъ весело идетъ къ себѣ домой.

Возвращается изъ Ферроло его отецъ Энрико и, не подозрѣвая ничего, спокойно зажигаетъ очагъ и начинаетъ варить кашу.

— Славно мы съ тобой поужинаемъ! — обращается онъ къ Габріелю.

Но чтобы не беспокоить отца ничѣмъ, Габріель молчитъ обо всемъ, что произошло.

Часъ спустя, когда они сидятъ уже за столомъ и ѣдятъ, около избушки неожиданно останавливается телѣга и изъ нея вылѣзаетъ какая-то женщина съ двумя дѣтьми. Энрико и Габріель выглядываютъ изъ окна, громко вскрикиваютъ отъ радости и выбѣгаютъ къ ней навстрѣчу.

Это пріѣхала изъ Италіи мать Габріеля. Они бросаются къ ней

на шею, обнимаютъ ее и дѣтей и съ торжествомъ вводятъ ее въ сторожку.

Здѣсь она будетъ хозяйкой и уже не будетъ знать нужды.

Она оглядывается по сторонамъ, не вѣритъ своему счастью и начинаетъ громко плакать. А когда она успокаивается, то беретъ Габріеля за руку и притягиваетъ его къ себѣ.

— Вотъ точно такой-же мальчикъ, какъ и ты, — говоритъ она ему, — часъ тому назадъ спасъ нашъ поѣздъ. Если-бы не онъ, то мнѣ не видаться-бы съ вами никогда. Говорятъ, что онъ самъ легъ на рельсы, чтобы только остановить локомотивъ. Отъ страха я забила въ уголокъ и не выглянула изъ вагона и ужъ не помню, какъ доѣхала до ближайшей станціи, какъ наняла эту телѣгу и какъ добралась до васъ! Бываютъ-же такіе смѣльчаки! Вотъ-бы и ты. Габріель, былъ такой!

Но Габріель былъ слишкомъ радъ своей матери, чтобы тратить время на разговоры о томъ, что казалось ему пустякомъ.

Вѣдь такъ-бы поступили и всѣ другіе! Развѣ можно считать героемъ того, кто исполняетъ только свой долгъ?

М. Б.

РАННЕЕ УТРО.

Пришли съ заутрени и стали	Запѣли птички, въ гнѣздахъ
разговляться,	закричали,
Чайку попили, съѣли ветчины,	Захлопотали шумные грачи,
А между тѣмъ все стало про-	Соскучившись въ хлѣвахъ, коровы
буждаться	замычали
И солнце глянуло съ небесной	Зачуявъ солнышка пурпурные
вышины.	лучи.

Сѣдой туманъ еще стоитъ на лѣсѣ,
Но скоро онъ сойдетъ и улыбнется
лѣсью...

И хочется сказать не разъ: —

„Христось воскресе“!

И получить въ отвѣтъ:—„Воистину
воскресе“!

Ирисъ.

МАРУСЯ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Спустился уже вечеръ и въ громадныхъ аллеяхъ того самаго парка, въ которомъ баронъ и баронесса Зандерсъ, когда-то катали въ колясочкѣ Марусю, стало темно. Цвѣли липы и запахомъ ихъ цвѣтовъ былъ напоенъ весь воздухъ. Кругомъ парка, въ поляхъ ржи, кричали перепела и прохлада отъ наступившаго вечера увеличива-

лась холодкомъ, тянувшимъ отъ громаднаго, величественнаго пруда. На площадкѣ, недалеко отъ дома слышался стукъ шаровъ. Это дѣти играли въ крокетъ. Мальчикъ лѣтъ десяти—по имени Максъ и двѣ его сестры—старшая Кити и младшая Леночка, размахивая молотками, съ увлеченіемъ доигрывали партію. Уже не было видно

воротъ и шары катились на удачу, но это вовсе ихъ не стѣсняло и только подзадаривало Макса лишній разъ укатить чужой шаръ какъ можно дальше въ траву. И всякій разъ какъ это ему удавалось, Кити гнѣвно сжимала губы и хмурила брови, а Леночка разсыпалась звонкимъ раскатистымъ смѣхомъ, хотя бы это былъ и ея шаръ.

— Вотъ прелестно! восклицала она.— Это такъ весело! Какъ-бы я хотѣла угонять шары такъ-же далеко!

— Ничего я въ этомъ, Леночка, не вижу хорошаго!.. отвѣчала ей Кити.

Зажглись въ домѣ огни и теперь не видно было уже даже травы. Шары закатывались въ такія мѣста, что ихъ нельзя было находить.

— Довольно! сказалъ наконецъ

Максъ и бросилъ молотокъ на песокъ.— Пойдемте домой! Скоро долженъ пріѣхать папа съ Марусей!

— Ахъ, да, да! Я и забыла! радостно воскликнула Леночка.— Вотъ будетъ весело! У насъ будетъ жить новая дѣвочка, которая будетъ съ нами гулять и играть! Мы съ нею будемъ бѣгать по аллеямъ, ходить въ лѣсъ и собирать грибы...

— Я уже нарвалъ букетъ цвѣтовъ и поставилъ его на столикъ около ея кровати... сказалъ Максъ.— Завтра я нарисую ей что-нибудь въ альбомъ...

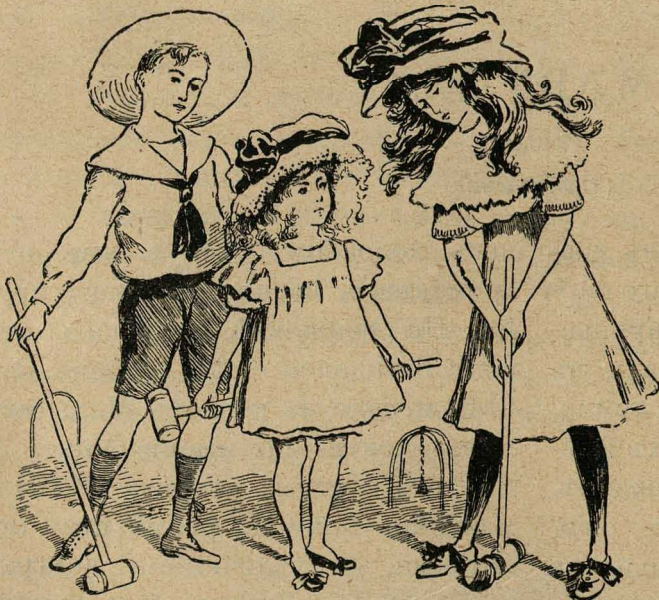
— Какъ это трогательно!.. съ усмѣшкою возразила Кити.— Не знаетъ еще, кто она и что она, и уже заранѣе ставить для нея цвѣты...

— А зачѣмъ мнѣ это знать? удивился Максъ.

— Какъ зачѣмъ? отвѣтила Кити.— Развѣ ты не слышала, что она — подкидышъ и все время прожила у своей няни въ простой крестьянской семьѣ? Воображаю, какая она грубая и невоспитанная!

Максъ хотѣлъ ей что-то отвѣтить, но въ это время дверь на балконъ открылась и въ ней показалась графиня Корницкая.

— Дѣти! крикнула она.— Уже пора! Идите въ комнаты! Фрейлейнъ съ вами?

— Вотъ прелестно! Это такъ весело!

— Нѣтъ! отвѣтила Кити.

И всѣ дѣти гурьбою взошли на балконъ, весь уставленный и обросшій цвѣтами. Розы, левкой и никоціаны посылали имъ свой аромат. Откуда-то сбоку тянуло запахомъ резеды и жасмина, летали жуки и мотыльки порхали вокругъ свѣчей, поставленныхъ въ стеклянныхъ колпачкахъ на столѣ. Кипѣлъ самоваръ и лакей Гаврила въ бѣлыхъ перчаткахъ разставлялъ дорогія, фарфоровыя чашки. Дѣвушка въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ помогала ему. Оба они ходили неслышными шагами и, казалось, что устраивая на балконѣ чай, они священнодѣйствовали.

— А гдѣ прикажете, ваше сіятельство, обратился къ графинѣ Гаврила,—поставить приборъ для чужой барышни?

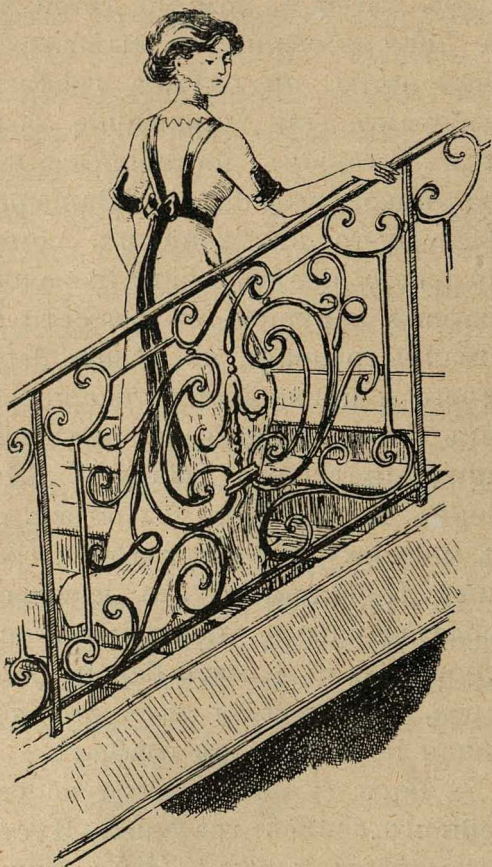
Чужая барышня! Графиня поморщилась. Она не была зла, но присутствіе чужой дѣвочки въ ея семьѣ нѣсколько стѣсняло ее. Она умѣла и могла помогать всѣмъ, кто нуждался въ ея помощи, но, какъ мать, она боялась за своихъ дѣтей, какъ бы эта чужая дѣвочка Маруся не оказала на нихъ дурного вліянія, такъ какъ эта дѣвочка была неизвѣстна ей и завѣдомо воспитывалась въ крестьянской семьѣ. Вся жизнь графовъ Корницкихъ протекала въ тѣсномъ семейномъ кругу. Родители были заняты исключительно воспита-

ніемъ дѣтей и, помимо дѣтей, ихъ не интересовали ни выѣзды, ни знакомства, ни служба графа по выборамъ, ни управление большимъ имѣніемъ, доставшимся имъ отъ покойнаго барона Зандерса. Поэтому-то вторженіе въ семью кого-либо посторонняго казалось графинѣ нарушеніемъ святости ея домашняго очага, но дѣлать было нечего и приходилось теперь противъ воли мириться съ предстоящимъ пріѣздомъ Маруси. Конечно, можно было бы отдать ее въ институтъ, но и графу и графинѣ Корницкимъ это казалось неблагоприятнымъ поступкомъ по отношенію къ памяти барона Зандерса, всѣ имѣнія котораго перешли по закону къ графинѣ.

— Богъ съ ней! сказала на семейномъ совѣтѣ графиня.—Пусть ужъ живетъ у насъ! Мы должны исполнить волю покойнаго барона!

Такимъ образомъ Марусядолжна была явиться въ домъ, гдѣ уже заранѣе были настроены противъ того, что она была пріемышъ и выросла въ простой рыбацкой семьѣ.

„Конечно“, думала графиня,—„эта дѣвочка плохо воспитана, имѣетъ грубыя, мужицкія манеры и не умѣетъ себя держать. Какъ бы она не послужила дурнымъ примѣромъ для Макса и Леночки! За Кити я не боюсь, она уже достаточно выросла, чтобы пони-

Графиня поднялась наверхъ.

мать, что дурно и что хорошо... Но отчего они такъ долго не ѣдутъ?"

Было уже восемь часовъ вечера и графъ съ Марусей должны были бы уже съ полчаса быть дома. Все было уже готово къ ихъ пріѣзду. Тѣмъ не менѣе, чтобы быть еще болѣе увѣренной, графиня нажала два раза пуговку электрическаго звонка и къ ней явилась фрейлейнъ

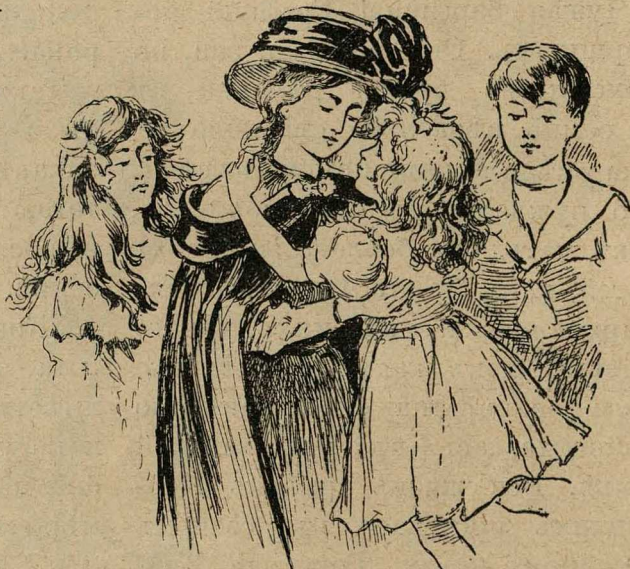
Луиза Карловна, тощая какъ палка, нѣмка въ очкахъ и съ гладко причесанной на проборъ головой.

— Готова комната для барышни? обратилась къ ней графиня.

— Все приготовлено, графиня... отвѣтила ей гувернантка.

— Покажите мнѣ, какъ и гдѣ вы ее устроили?

И черезъ роскошную гостиную онѣ вышли въ столовую и изъ нея по ярко отполированной лѣстницѣ съ дорогими бронзовыми перилами графиня поднялась наверхъ. Тамъ, въ самомъ концѣ коридора, въ антресоляхъ, для Маруси была отведена маленькая комнатка, въ которой когда-то жила старушка няня-Еремѣвна, выселенная за ненадобностью изъ усадьбы въ деревню; въ уголку стояла простенькая желѣзная кровать, поставлены были бѣлый

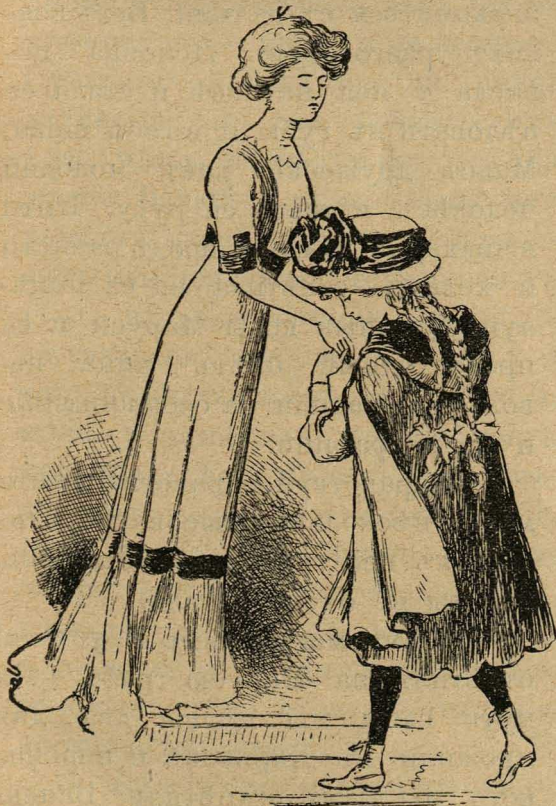
Леночка повисла у нея на шеѣ.

шкафчикъ и вѣнскій стуль—и это составляло собою всю мебельровку будущаго жилища Маруси

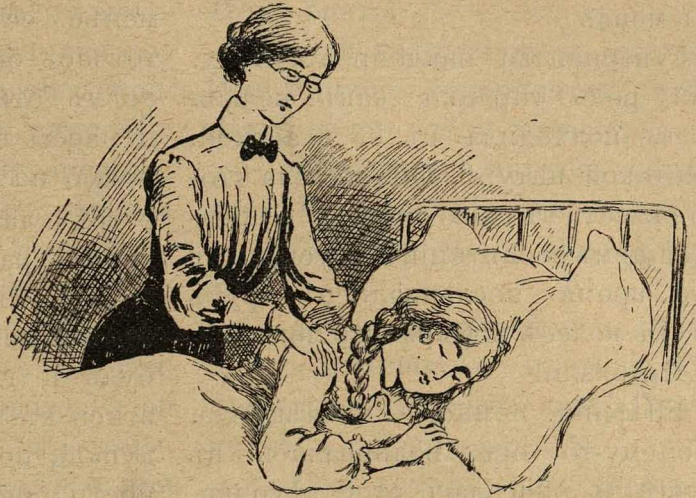
„Съ нея, простой крестьянки, довольно и этого“... подумала графиня.—„Не нужно приучать ее къ роскоши... Кто знаетъ, какова-то еще будетъ ея жизнь впереди?“

И повернувшись къ гувернанткѣ, графиня продолжала:

— Будьте особенно, фрейлейнъ, наблюдательны за этой дѣвочкой.

— Здравствуй, здравствуй, дитя мое!..

— Пора вставать! сказала гувернантка.

наблюдательны за этой дѣвочкой. Употребите всѣ ваши усилія, чтобы во время подавить въ ней всѣ ея недостатки и хоть немножко сдѣлать ее терпимой въ этомъ домѣ. Чтобы она рано вставала и рано ложилась спать. Пожалуйста, чтобы не было этихъ вспышекъ гнѣва, которыя я такъ не люблю даже въ своихъ дѣтяхъ. Чтобы былъ порядокъ во всемъ. Ни малѣйшей роскоши. Она должна знать, что она не графиня, а простая дѣвочка, которая должна цѣнить то, что ей дадутъ образованіе и научатъ ее языкамъ. Все время вы не должны ни на шагъ отходить отъ нея и ни на одну минуту не оставлять ее одной. Она выросла въ деревнѣ и потому требуетъ къ себѣ большого и настойчиваго вниманія. Ни одной строчки, ни одного письма — безъ вашего

разрѣшенія и прочтенія. Поняли вы меня?

Гувернантка наклонила голову. Эта роль тиранки какъ нельзя болѣе подходила къ ея властной, жестокой натурѣ. Она хотѣла что-то сказать въ свою очередь о предстоящемъ воспитаніи Маруси, но въ это время послышались вдругъ стукъ колесъ и фырманье лошадей.

Пріѣхали!

Графиня немного поблѣднѣла. Почему-то она волновалась въ душѣ и опасалась этой дѣвочки. Но теперь, когда дѣло было уже сдѣлано и когда Маруся была уже у крыльца, она поправила на себѣ прическу и стала спускаться по лѣстницѣ внизъ.

— Папочка! Папа пріѣхалъ! кричали внизу дѣти и визжали отъ радости.

Леночка прыгала, какъ коза, и хлопала въ ладоши, Кити ожидала возвращенія матери, чтобы, глядя на нее, брать съ нея примѣръ, а Максъ подождалъ немного, а потомъ, будучи не въ силахъ себя сдержать, бросился въ прихожую и широко распахнулъ дверь. Тамъ, у крыльца, уже стоялъ лакей Гаврила и высаживалъ графа изъ экипажа. Велѣдъ за графомъ вошла въ прихожую и Маруся.

— А вотъ и мы! сказалъ графъ.

Всѣ дѣти бросились къ нему на шею.

Къ счастью для Маруси, она не была робка. Другая дѣвочка

на ея мѣстѣ, менѣе простая и менѣе естественная, чѣмъ она, тотчасъ бы растерялась при видѣ всѣхъ этихъ незнакомыхъ людей и массы взоровъ, устремленныхъ прямо на нее. Но она никогда не встрѣчала вокругъ себя ничего кромѣ расположенія и нѣжнаго довѣрія, и потому ей даже и въ голову не приходило, что кто-нибудь и гдѣ-нибудь можетъ отнестись къ ней иначе. Съ открытой душой, полная довѣрія и преданности, она бросилась прямо къ графинѣ и прежде чѣмъ раздѣться или снять съ себя шляпу, поцѣловала ей руку. Затѣмъ она стала знакомиться съ дѣтьми. Безъ всякихъ разговоровъ Леночка повисла у нея на шеѣ и стала ее цѣловать въ губы и въ обѣ щеки. Максъ дружески, какъ молодой человѣкъ, пожалъ ей руку. Кити вспыхнула чѣмъ-то вродѣ зависти и холодно отвѣтила на ея поцѣлуй. Длинные косы Маруси и ея превосходный цвѣтъ лица невольно обратили на себя вниманіе и ея, и графини.

— Здравствуй, здравствуй, дитя мое!.. нѣсколько свысока обратилась къ ней графиня. — Надѣюсь, что ты не очень устала.

— Нѣтъ, мы совсѣмъ не устали! отвѣтилъ за Марусю графъ. — На пути сюда мы цѣлые два дня прожили въ Харьковѣ и знаешь, кого мы тамъ встрѣтили? Валентину Константиновну! Она была

такъ добра, что взяла на себя трудъ поводить Марусю по магазинамъ и закупила для нея все необходимое бѣлье. Дюжина сорочекъ, дюжина панталонъ и прочее... Кромѣ того, мы купили ей на два платья и вотъ эту шляпу, которая ей кажется, къ лицу... Ну, раздѣвайся, Маруся, и входи!

Вся семья вошла въ домъ, въ которомъ когда-то жила Маруся, но который теперь показался ей верхомъ роскоши и простора. Вышли затѣмъ на балконъ и при свѣтѣ фонариковъ стали пить чай. Маруся еще никогда въ жизни не пила изъ такихъ дорогихъ чашекъ и все боялась, какъ бы не уронить чего-нибудь и не разбить. Сухарики показались ей очень вкусными, но она боялась ихъ ѣсть, чтобы не подумали, что она жадна. Всякій разъ, какъ безшумно входилъ лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ или появлялась горничная въ туго - накрахмаленномъ чепцѣ, — ей казалось, что они входили для того, чтобы вывести ее изъ-за стола, и она чувствовала, что отвѣчаетъ невпопадъ, ѣсть не такъ, какъ всѣ, а громко чамкаетъ и глотаетъ такъ, что слышать всѣ. И пока продолжался чай, она чувствовала себя, какъ на иголкахъ, и не замѣчала того, какъ во всѣхъ концахъ пѣли соловьи и какъ отовсюду тянулся ароматъ цвѣтовъ.

И вдругъ послышался чей-то сухой голосъ:

— Маруся! Уже девять часовъ. Пора спать!

Маруся вздрогнула и вскочила. Это пришла гувернантка, чтобы взять ее съ собой наверхъ.

— Простись, Маруся, обратилась къ дѣвчкѣ графиня, и постарайся во всемъ слушаться фрейлейнт!

— Мамочка, обратились къ ней Максъ и Леночка, — пусть Маруся посидитъ съ нами еще! Черезъ полчаса мы уйдемъ всѣ!

— Она устала и съ дороги ей нужно отдохнуть! рѣзко сказала графиня.

Маруся не возражала, простилась со всѣми и пошла за Луизой Карловной.

Покорно, точно приговоренная къ смертной казни, она поднялась по лѣстницѣ, прошла черезъ корридоръ и вошла наконецъ къ себѣ въ комнату.

— Вотъ ваша постель! обратилась къ ней фрейлейнт. — Умойтесь хорошенько и ложитесь немедленно спать!

И выждавъ, когда Маруся раздѣлась, умылась, помолилась Богу и улеглась въ постель, она повернулась и вышла изъ комнаты.

Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ Маруся вернулась бы сейчасъ къ себѣ домой, на берегъ моря, въ маленькую, обмазанную глиной хатку, гдѣ такъ всѣ ее любили и гдѣ любила всѣхъ и она!

И закрывъ глаза и сдѣлавъ

видъ, что спитъ, Маруся стала думать о своихъ, и затѣмъ укрылась съ головой и стала горько плакать. Къ ней въ окошко глядѣла бѣлая ночь, слышалось пѣнье соловьевъ, а она боялась плакать вслухъ и только вздрагивала плечами и повторяла:

— Боженька, помоги мнѣ! Боженька, верни меня назадъ!

И вдругъ кто-то тихонько отворилъ къ ней дверь, подошелъ на цыпочкахъ къ ея кровати, опустился передъ нею на колѣни и обхватилъ ея тѣлице рукою.

Маруся приоткрыла глаза и взглянула сквозь щелочку въ одѣялѣ. Около нея стояла какая-то женщина, уже немолодая, и причитала:

— Голубушка ты моя! Бѣдняжечка ты моя! Обобрали тебя, нашу госпожу, завезли тебя на чужую сторонушку!..

Она говорила эти непонятныя для Маруси слова и слезы такъ ручьями и текли у нея по щекамъ.

Не зная, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и боясь, какъ бы не догадаться, что она еще не спитъ, Маруся притаилась и не двигалась ни однимъ членомъ. Наплакавшись и напричитавшись вдоволь, незнакомка полѣзла подъ кровать, достала оттуда Марусины башмаки и взяла ихъ съ собой.

— Почистить твои башмачки-то драгоценныя!.. сказала она. —

Такъ бы все стояла около тебя, да твои туфельки бы весь вѣкъ и чистила! Бѣдная ты моя! Болѣзная ты моя!

Неизвѣстно, сколько еще времени причитала бы надъ Марусей эта женщина, если бы внизу вдругъ не раздался голосъ самой графини.

— Аграфена, гдѣ ты? Принеси дѣтямъ свѣжей воды! Имъ нечѣмъ на ночь умыться!

Женщина встрепенулась, испугалась и мелкой походкой засѣменила къ двери.

— Сейчасъ, сейчасъ, ваше сиятельство! подобострастно заговорила она.—Я здѣсь! Сейчасъ принесу! Взяла вотъ башмачонки приѣзжей барышни къ завтраму почистить!

И она мелкими, частыми шажками стала сбѣгать съ лѣстницы внизъ.

„Кто же эта женщина? подумала Маруся.—Ее зовутъ Аграфена... Должно быть, это кто-нибудь изъ низшей, домашней прислуги“...

Но кто-бы она ни была, Маруся теперь знала, что и здѣсь, на чужбинѣ, у нея есть кто-то невѣдомый другъ, и теперь ей стало казаться, что она уже не одна, и послѣ горькихъ слезъ успокоеніе стало наполнять ея душу, усталость взяла свое, она повернулась на другой бокъ и крѣпко заснула.

— Вставайте! Вставайте! вдругъ услышала она около себя чей-то

голосъ и почувствовала, какъ кто-то рѣзко покачалъ ее за плечо.

Маруся вскочила въ испугѣ. Было уже утро и около нея стояла фрейлейнъ.

— Что такое? спросила Маруся.— Что случилось?

— Пора вставать, отвѣтила гувернантка.— Ужъ восемь часовъ!

Маруся тотчасъ же стала одѣваться. Отъ нея не ускользнуло, что вся ея одежда была вычищена и тщательно сложена, а отъ башмаковъ такъ и шли лучи въ разные стороны.

„Это навѣрное Аграфена!“ подумала она.

— Вы должны одѣться въ пять минутъ! приказала ей фрейленъ.— Черезъ пять минутъ я приду васъ причесать!

— Не беспокойтесь — отвѣтила ей Маруся.— Я всегда причесываюсь и заплетаю косы сама.

— Мнѣ приказала причесывать васъ графиня. Я должна ей безпрекословно повиноваться. Совѣтую это дѣлать и вамъ...

Ровно черезъ пять минутъ она явилась къ ней вновь и стала ее причесывать. И когда ея пальцы касались головы Маруси, то дѣвочка взрагивала и ей казалось, что она дѣлаетъ грѣхъ, что согласилась причесываться у другихъ, а не чешется сама.

Затѣмъ онѣ вышли въ столовую, гдѣ ожидалъ ихъ утреннй чай. Тамъ еще не было никого. Графъ

всталъ рано и уже уѣхалъ куда-то верхомъ, а дѣти уже проснулись и шумѣли въ дѣтской, очевидно, швыряясь подушками, потому что въ столовую доносились ихъ смѣхъ и визжанье и слышно было, какъ что-то мягкое то и дѣло ударялось о стѣны.

Едва только Маруся усѣлась за столъ, какъ лакей Гаврила на большомъ, серебрянномъ блюдѣ подаль ей чашечку чаю и кусочекъ масла, обложеннаго со всѣхъ сторонъ льдомъ. Тутъ же лежали сухарики и вкусная, только что испеченая булочка. Марусѣ стало неловко, что ей прислуживалъ лакей, она смутилась, встала и сдѣлала ему реверансъ.

— Не беспокойтесь... сказала она.— Я могу и сама... мерси...

— Ничего, барышня, кушайте на здоровье! ласково отвѣтилъ ей Гаврила.

И все время, пока она пила чай, онъ такъ почтительно относился къ ней, точно и она тоже была графиней.

„Какой онъ добрый!“ подумала она и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

Онъ стоялъ передъ ней на вытяжку, съ пріятной улыбкой, застывшей на его чисто выбритомъ, розовомъ лицѣ и съ длинными сѣдыми бакенбардами, какъ у доктора, который когда-то пріѣзжалъ къ нянѣ Настасѣ Григорьевнѣ лечить ея внучатъ. Когда глаза

ихъ встрѣтились, то онъ улыбнулся ей еще шире и ласковѣе. По этой его улыбкѣ она поняла, что и онъ — ея другъ, и ей было пріятно, что теперь она была не одна.

Свѣтило солнце, въ большія окна виднѣлся громаднѣйшій, старинный паркъ и около дома была масса цвѣтовъ. Маруся уже четверо сутокъ не бѣгала по травѣ и не была на свободѣ и ей очень хотѣлось выйти сейчасъ въ паркъ и побѣгать по аллеямъ. Какъ ни было ей странно и чуждо въ чужомъ домѣ, но дѣтское любопытство пересиливало въ ней ея неловкость и ей хотѣлось выскочить на воздухъ, всюду сунуть свой носъ, поглядѣть, какъ здѣсь живутъ, и что вонъ тамъ далеко въ концѣ аллеи, дѣлаютъ какіе-то люди въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями, повидимому, — садовникъ и его помощники? Но въ тотъ самый моментъ, какъ она отпила свой чай и подошла было къ окошку, чтобы выглянуть въ садъ, позади нея раздался все тотъ же сухой голосъ Луизы Карловны:

— Отправляйтесь въ классную комнату! Мы должны заниматься и постараться подогнать то, чего вы не проходили у себя въ деревнѣ!

Маруся покорно послѣдовала за гувернанткой и, пять минутъ спустя, сидѣла уже за класснымъ столомъ.

Принявъ отъ барона Зандерса къ себѣ на воспитаніе Марусю, няня Настасья Григорьевна употребила всѣ усилія, чтобы не оставить ее безъ образованія. Сама женщина темная, малограмотная, она тотчасъ же, какъ Марусѣ исполнилось семь лѣтъ, отдала ее сначала въ мѣстную земскую школу, а затѣмъ пригласила къ себѣ сельскую учительницу на домъ и та давала уроки ей и кстати и ея своднымъ братьямъ и сестрамъ. Правда, Маруся не знала языковъ, но во всемъ остальномъ она была далеко впереди Макса и Кити, такъ какъ прошла настоящую элементарную земскую школу, которая въ какіе-нибудь три года выучиваетъ ребенка правильно писать, рѣшать задачи и читать гораздо лучше, чѣмъ это можетъ сдѣлать даже опытная гувернантка. И теперь, когда Луиза Карловна задавала ей вопросы, дѣлала ей диктантъ, экзаменовала ее по Закону Божію и по ариѳметикѣ, то познанія Маруси превзошли всѣ ея ожиданія и ей было досадно, что ея ученики — Кити и Максъ знали меньше, чѣмъ она. И вмѣсто того, чтобы похвалить Марусю, она сдѣлала недовольное выраженіе лица и сказала:

— Вамъ, милая, придется еще много потрудиться, чтобы выучить все, въ чемъ вы отстали!

Маруся не возражала, такъ какъ

и сама была искренно увѣрена, что слишкомъ мало знала, и потому ревностно занималась цѣлые три часа, пока наконецъ не послышался около дома лошадиный топотъ. Это возвратился изъ поездки графъ. Дѣти давно уже бѣгали по парку и ходили около оконъ классной комнаты, поджидая Марусю, но всѣ ихъ ожиданія оставались тщетными, пока не возвратился графъ.

— А гдѣ же Маруся? спросилъ онъ у Макса. — Почему она не съ вами?

— Она съ фрейлейнъ учится! — отвѣтилъ мальчикъ. — Вотъ уже скоро три часа...

— Съ перваго же дня? воскликнулъ графъ и нахмурился. —! Какъ это мило и гостепримно, Не успѣлъ ребенокъ пріѣхать какъ его уже засадили за книгу!

И не переодѣваясь, какъ былъ, въ высокихъ сапогахъ и въ перчаткахъ, графъ прямо изъ сѣдла отправился въ классную комнату и съ шумомъ распахнулъ въ нее дверь.

— Здравствуй, Маруся! ласково обратился онъ къ дѣвочкѣ. — Что же ты сидишь въ душной комнатѣ и не гуляешь? Бѣги скорѣе въ паркъ. Тамъ тебя ожидаетъ дѣтвора.

Маруся вспыхнула отъ радости и поглядѣла на гувернантку. Та нахмурила брови и сухо сказала:

— Если этого желаетъ самъ графъ...

Маруся сложила книжки, заперла столъ и, точно птичка изъ клѣтки, выскочила изъ классной.

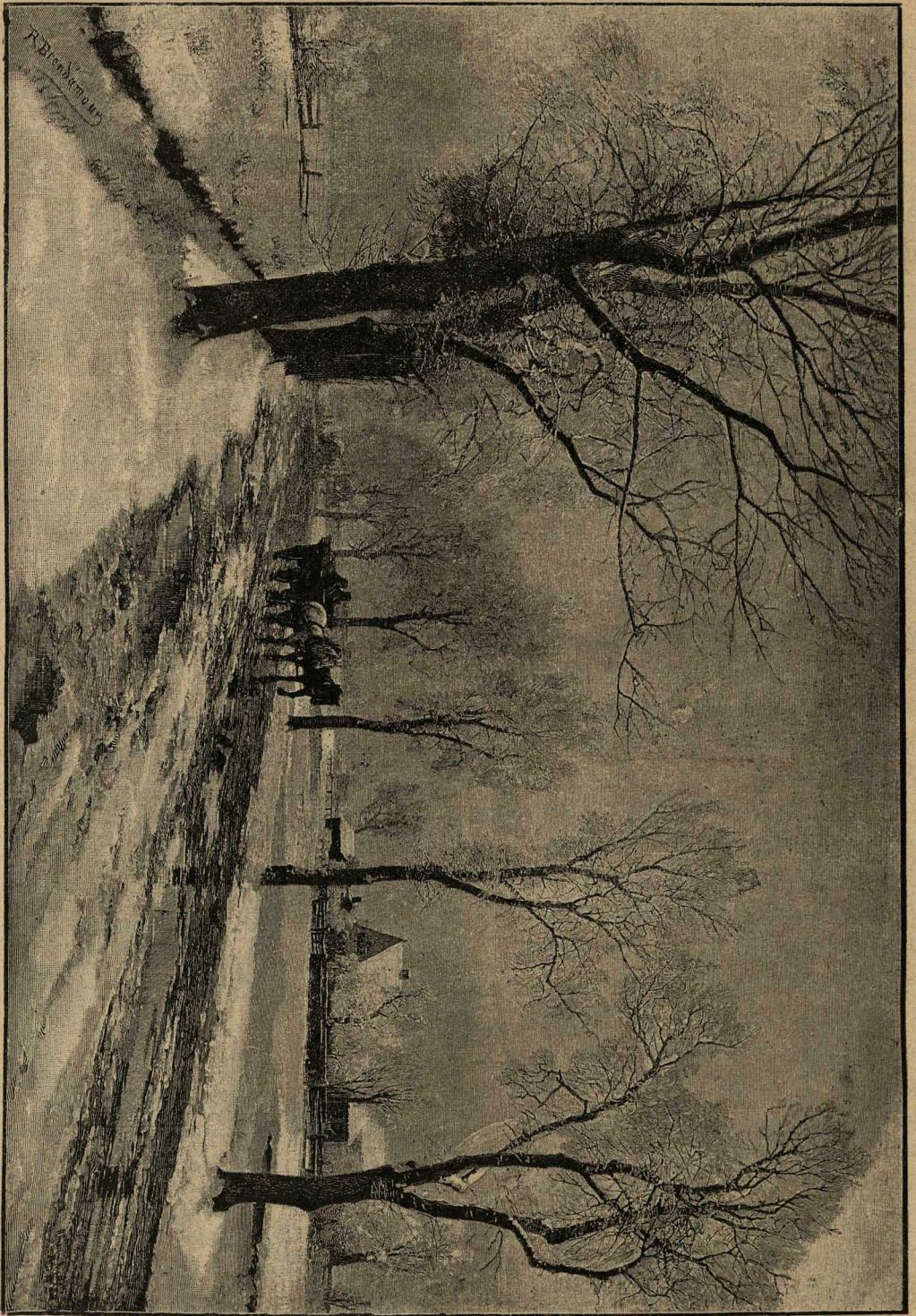
— Охота вамъ, фрейлейнъ, такъ сразу приниматься за эту дѣвочку! обратился къ гувернанткѣ графъ. — Если заниматься, такъ заниматься ужь всѣмъ, а то у васъ мои дѣти бѣгають и наслаждаются ясной погодой, а чужая — почему-то сидитъ въ заперти. Мнѣ думается, что это несправедливо!

Луиза Карловна густо покраснѣла.

— Я поступаю во всемъ такъ,

Леночка взяла ее за руку и стала водить по усадьбѣ.

Laerri.

Съ празникомъ, мамочка!

сухо отвѣтила она, — какъ мнѣ приказываетъ графиня.

— Значить, это приказала вамъ она?

— Да! отвѣтила гувернантка и крѣпко сжала губы.

Графъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ классной. Фрейлейнъ посмотрѣла ему вслѣдъ и нахмурила брови.

— Хорошо же! проворчала она. — Я получила выговоръ изъ-за этой дѣвчонки! Теперь она уз-

наетъ, какъ становится мнѣ поперекъ пути!

А Маруся въ это время весело бѣгала по парку. Едва только она вышла изъ дома, какъ Максъ и Леночка подскочили къ ней и стали рассказывать ей, какъ они безъ нея скучали. А затѣмъ Леночка взяла ее за руку и стала водить ее по усадьбѣ и показывать ей все, что ей казалось достойнымъ вниманія и могло возбудить въ ея новой подругѣ интересъ.

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ЯИЧНОЙ СКОРЛУПКѢ.

Погода уже совсѣмъ установилась. Травка зазеленѣла и вербочки распустились. Всѣ большія и маленькія рѣчки широко разлились и затопили дуга. Солнышко ярко свѣтило на ясномъ голубомъ небѣ.

Завтра вербная суббота. Какъ Вѣрочка любитъ этотъ день! Она всегда ходитъ въ церковь за вербою съ бабушкой. Сегодня ночью долженъ пріѣхать изъ большого города Володя, маленькій Вѣрочкинъ другъ, и они пойдутъ вмѣстѣ.

Онъ старше Вѣрочки и уже учится въ городѣ въ гимназіи. Съ какимъ нетерпѣніемъ она его ждетъ! Вмѣстѣ съ нимъ всегда такъ весело!

Володя сирота, у него нѣтъ родныхъ. У Вѣрочки-же есть и мама, и папа въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, который виднѣется тамъ за рѣкой, и бабушка, у которой она теперь живетъ на этомъ берегу въ усадьбѣ, а у бѣдненькаго Володи нѣтъ никого!

Бабушка еще съ утра сегодня приготовила комнату для своего

любимца. Онъ безродный и она любить его за это еще больше. Она повѣсила занавѣсочки на окнахъ, приготовила для него постельку, а Вѣрочка нарвала въ саду и поставила въ стаканѣ на окно свѣжій букетикъ фіалокъ и поденѣжниковъ.

— Бабушка, я уже спать буду, когда Володя пріѣдетъ?—спросила вечеромъ дѣвочка.

— Да, отвѣтила бабушка,—онъ поздно пріѣдетъ; завтра утромъ увидите.

Вѣрочка вошла опять въ комнату Володи. Какъ въ ней все было чисто и какъ хорошо пахли цвѣточки на окнѣ! Окно открыто. Изъ садика доносились послѣдніе крики птицъ и громкіе возгласы лягушекъ...

— „Мы здѣсь всю страстную недѣлю проживемъ, подумала дѣвочка,—а на Пасху домой, въ городъ уѣдемъ вмѣстѣ съ Володей и бабушкой“.

Солнце заходило, и лучи его проникали въ комнату, гдѣ стояла Вѣрочка. Вотъ книги Володи на столѣ. Онѣ остались здѣсь еще съ Рождества, когда онъ тоже пріѣзжалъ сюда. Она очень любитъ эти книги. Въ нихъ такія интересныя картинки! А вотъ его старыя тетради. Въ нихъ что-то написано по латыни. Онъ въ первомъ классѣ и очень хорошо учится. Его всѣ тамъ хвалятъ.

Когда Володя пріѣзжаетъ, то онъ

разсказываетъ ей много интереснаго про большой городъ и про гимназію, представляетъ ей учителей и товарищей и она очень смѣется.

Когда-нибудь и Вѣрочка тоже будетъ учиться. Она училась-бы и сейчасъ, но папа и мама говорятъ, что въ гимназію ей еще рано, и что она еще маленькая.

Но вотъ солнышко уже зашло. Вѣрочка отошла отъ окна.

Во дворѣ бабушка разговариваетъ съ мужикомъ, который поѣдетъ сегодня ночью на станцію за Володей.

— Я сына пошлю, барыня, говоритъ онъ, — не безпокойтесь, онъ его исправно привезетъ! А мнѣ некогда!

— Посылай, отвѣчаетъ бабушка, — только пусть онъ пораньше выѣдетъ, а то опоздаетъ!

Пока они еще разговариваютъ, Вѣрочка достаетъ изъ столика открытку, на которой нарисованы зайчики и кролики, везущіе на телѣжкѣ яйцо, и крупными буквами пишетъ Володѣ письмо:

„Дорогой Володя! я жду тебя съ нетерпѣніемъ. Пріѣзжай поскорѣе. Крепко цѣлую тебя... Твоя Вѣрочка“.

Затѣмъ она бѣжитъ за ворота, и догоняетъ мужика.

— Вотъ, пожалуйста, Григорій, говоритъ она,—отдай это письмо сыну и скажи, ему, чтобы онъ передалъ его Володѣ, когда за нимъ пріѣдетъ на станцію.

— Хорошо, передамъ, отвѣчаетъ Григорій.

И мужикъ уходитъ. Вѣрочка возвращается домой ужинать. Послѣ ужина она ложится спать, но ей не спится. Все время она думаетъ о Володѣ и объ его пріѣздѣ.

„Завтра онъ пріѣдетъ... думаетъ она. — Я проснусь завтра, а онъ будетъ уже здѣсь... Онъ получитъ мое письмо и поспѣшитъ отъ станціи... Но почему же это на пасхальныхъ открыткахъ всегда рисуютъ зайчиковъ и яички? И почему непременно если яички, то и зайчиковъ?“

И въ думахъ о зайчикахъ и яичкахъ она закрываетъ глаза и начинаетъ воображать, какъ завтра будетъ весело, когда раздастся вдругъ голосъ Володи и онъ забѣгаетъ по комнатамъ и застучитъ о полъ своими грубыми, мужскими сапогами. Какъ пріятно стучать мужскіе сапоги! Если-бы Вѣрочка была мальчикомъ, то она всегда носила-бы сапоги со скрипомъ. Это такъ интересно! Вотъ и на открыткѣ, которую она только-что послала Володѣ, одинъ изъ зайчиковъ тоже нарисованъ въ большихъ сапогахъ...

Но что-же это? Кажется она лежала въ мягкой постелькѣ, подъ голубымъ пологомъ, а теперь вдругъ очутилась почему-то въ деревнѣ, что за хуторомъ бабушки!

Но и здѣсь тоже теперь хорошо! Всѣ дуга покрыты зеленою трав-

кою, деревья распустили молоденькіе листочки, а вдали широкой серебряной лентой сверкаетъ на солнцѣ разлившаяся рѣка.

„Что, если-бы поѣхать по этой большой рѣкѣ на тотъ берегъ, думаетъ Вѣрочка, и поискать тамъ Володю!“

И съ этою мыслью она идетъ черезъ лугъ.

Какъ вдругъ откуда-то изъ подъ куста выскакиваетъ хорошенькій бѣлый кроликъ. Онъ несетъ во рту вербочки и, поровнявшись съ Вѣрочкой, кладетъ ихъ къ ея ногамъ. Вѣрочка наклоняется, ласково гладитъ его по мягкой шерсткѣ и спрашиваетъ:

— Кроликъ миленькій, скажи мнѣ, — почему не пріѣзжаетъ Володя?

— Не знаю, Вѣрочка! отвѣчаетъ хорошенькій кроликъ.

— Можетъ быть, ты знаешь, какъ переправиться черезъ рѣку на тотъ берегъ?

— О, конечно, знаю! восклицаетъ кроликъ. — Это мы сейчасъ устроимъ, подожди только здѣсь одну минутку!

И кроликъ убѣгаетъ.

Вѣрочка присаживается на зеленой травкѣ и начинаетъ ждать.

Кроликъ скоро возвращается и говоритъ:

— Не беспокойся, милая дѣвочка! Сейчасъ ты переѣдешь черезъ рѣку!

Вѣрочка благодаритъ его, но

все таки ей странно, какъ это она поѣдетъ по рѣкѣ и въ чемъ?

Проходятъ еще нѣсколько минутъ, и кроликъ говоритъ:

— Ну, теперь пойдѣмъ къ рѣкѣ!—

Они подходятъ къ берегу и Вѣрочкѣ становится немножко жутко при видѣ такой массы воды.

И вдругъ откуда-то, точно изъ подъ земли, являются много кроликовъ и зайчиковъ, которые съ трудомъ тащатъ что-то на деревянной телѣжкѣ.

Когда они подкатываютъ телѣжку ближе, то Вѣрочка видитъ, что это большая яичная скорлупа.

Кролики снимаютъ ее съ телѣжки, и старшій, тотъ который былъ съ Вѣрочкой, говоритъ:—

— Садись въ эту лодочку, милая дѣвочка!

Вѣрочка боится. Она ѣздила уже въ настоящей большой лодкѣ съ Володей и папой, но теперь одна, безъ весель и въ такой широкой разливъ, она боится плыть въ яичной скорлупѣ.

Кроликъ замѣчаетъ ея смущеніе и продолжаетъ:—

— Не бойся, Вѣрочка! Эта лодочка довезетъ тебя до самаго берега!

Кролики усаживаютъ Вѣрочку и отталкиваютъ скорлупку отъ берега. Вѣрочка оборачивается и кричитъ:—

— Спасибо вамъ, милые кролики!

Она хватывается обѣими ру-

ками за края скорлупки и теперь быстро мчится по рѣкѣ. Сначала ей кажется очень страшнымъ ѣхать по такой широкой рѣкѣ, но затѣмъ она привыкаетъ къ этому и ей становится весело. Въ скорлупкѣ лежатъ и вербочки, подаренныя ей зайчикомъ.

Вѣрочка смотритъ на большія лодки, которыя проѣзжаютъ мимо нея, но ея скорлупочная лодочка кажется ей гораздо лучше ихъ. Вонъ городъ, въ которомъ она живетъ, съ папой и мамой, а вонъ на томъ берегу—хуторъ бабушки, отъ котораго она отплыла. Вотъ, среди зелени садовъ, мельницы, и все ей извѣстныя: эта—Власа, а та вонъ—Петра...

Бѣлые гуси подплываютъ къ лодочкѣ и, увидавъ, что у Вѣрочки упала въ воду вербочка, хватаютъ ее и подаютъ ей.

Низко летаютъ надъ водой ласточки.

Въ городѣ звонятъ въ колокола и кажется, что они вылиты изъ чистаго серебра...

Затѣмъ лодочка добирается до берега, и Вѣрочка радостно выскакиваетъ изъ нея на зеленую травку.

Но гдѣ-же это она?

И тутъ она видитъ себя въ своемъ миломъ саду. Но почему-же здѣсь нѣтъ и Володи? Гдѣ онъ?

Ужъ не спрятался-ли онъ, проказникъ, въ кустахъ?

— Володя, Володенька! зоветь

его она. — Откликнись! Я давно уже тебя жду!

Но отвѣта нѣтъ.

— „Гдѣ-же онъ?“ думаетъ дѣвочка.

И вдругъ она видитъ среди сада что-то большое, круглое, голубое. Около него тоже суетятся зайчики и что-то дѣлаютъ на немъ красками и кистями. Она приглядывается и видитъ, что это — пасхальное яичко и что зайчики и кролики сдѣлали на немъ надпись:

„Христосъ Воскресе!“

Подлѣ яичка стоитъ курочка хохлатка со своими тремя цыплятками и клохчетъ.

— Дотронись до яичка рукою! говоритъ ей одинъ изъ зайчиковъ. Вѣрочка дотрагивается, и вдругъ: скорлупка на яичкѣ отваливается, и Вѣрочка видитъ въ немъ спящаго Володю.

— Ипшъ, забрался куда! радостно взвизгиваетъ она и бросается къ мальчику. — Но что-же ты спишь? Вставай! Уже пора!

И она слегка ударяетъ его вербой.

— Верба хлѣсть, бей до слезъ! говоритъ она.

Володя вскакиваетъ и въ удивленіи протираетъ себѣ глаза.

— Вѣрочка! вскрикиваетъ онъ. — Да какъ-же ты выросла! Какіе у тебя стали длинные волосы!

— А ужъ я — то тебя искала,

искала, — отвѣчаетъ Вѣрочка, и все не могла никакъ найти! Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ я по тебѣ соскучилась и съ какимъ нетерпѣніемъ ждала твоего пріѣзда!

Володя вылѣзаетъ изъ яичка, оправляетъ на себѣ костюмикъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, беретъ ее за плечи и начинаетъ ее трясти.

— Вѣрочка! говоритъ онъ. — Прогниись! Развѣ ты не знаешь, что я пріѣхалъ?

Она вздрагиваетъ, раскрываетъ глаза и видитъ передъ собою настоящаго Володю. Онъ стоитъ около нея и все еще трясетъ ее за плечи.

— Да вставай-же! говоритъ онъ. Какъ ты долго спишь!

Свѣтитъ радостное весеннее солнце и въ открытое окошко слышны церковный звонъ и веселое щебетанье птицъ.

— Володя! восклицаетъ она и все еще не вѣритъ своимъ глазамъ: во снѣ это, или на яву?

А затѣмъ она быстро одѣвается, они пьютъ вмѣстѣ чай и бѣгутъ въ садъ, гдѣ она рассказываетъ своему маленькому пріѣхавшему другу свой сонъ, и они еще долго, смѣясь, бѣгаютъ по берегу и глядятъ, не стоитъ-ли около него Вѣрочкина лодочка, на которой она переѣзжала во снѣ черезъ рѣчку.

Ю. Н.

Рѣшеніе головоломкѣ и ребуса № 8, помѣщенныхъ въ № 8 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) Парѣ. II) По землѣ, бѣлье, шляпу. III) оса, ...ба + бочка (бабочка), мошка, ...стрѣ + коза (стрекоза), ...тара + кан ... (тараканъ), ...па + ук (паукъ), ...муха, ...гу + си (гуси), ...утки, ...во + Рон (воронъ), ...глу + харь (глухарь), ...ца + пля (цапля).

IV) комаръ, ворона, кроликъ, орелъ, собака, барабанъ, блинъ, ребро, солома, лимонъ, малина, вакса. Задуманныя слова — Москва, Берлинъ.

V) *Шуточные вопросы:* 1) Августъ на Мартѣ, 2) За шею, 3) По книжкѣ.

VI) Мыло, Лыко, Тѣсто, Крюкъ = Молотокъ.

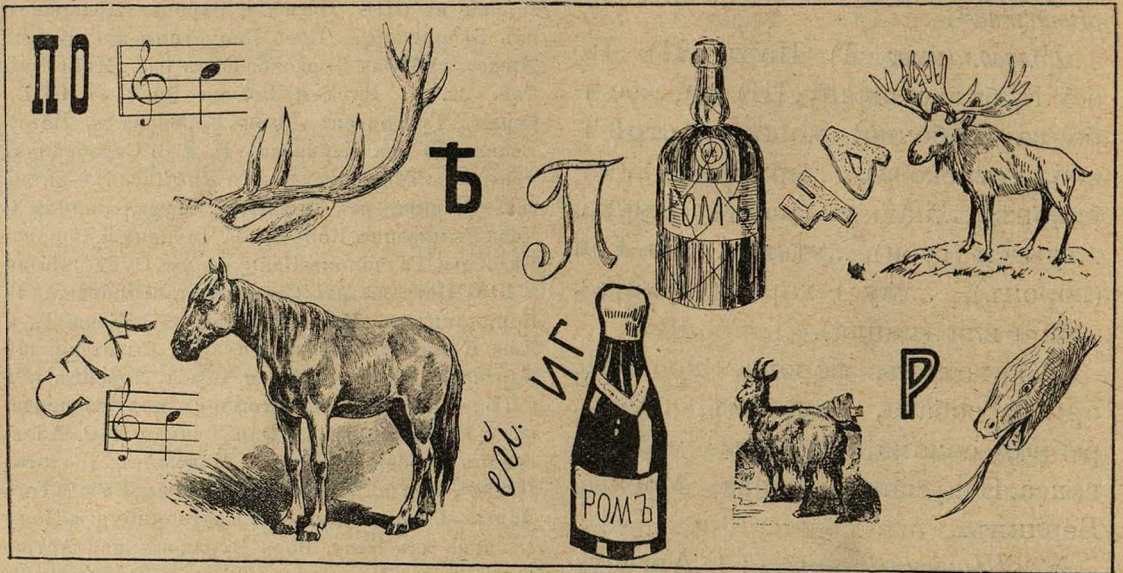
Ребусъ № 8. О + колоколь + басы + со + бра + лось + м + ножъ + е + ствѣо + мышъ + ей = Около колбасы собралось множество мышей.

Врѣмя рѣшенія прислали: Аля Ржевская въ Спб., Шалунъ Солю въ Спб., Борисъ фонъ-Бремзенъ въ Спб., Люся Папчинская, Тамара Брантъ въ Спб., Алла и Галя Дудукаловы, Коля Михайловъ въ Спб., Володя Кудинцовъ изъ Харькова, Андрюша Федотовъ—донской казачекъ и его тети Тани Волкова. Ученики Саздинскаго училища: Габріиль Молдованъ, Василій Чайкинъ, Матвій Антоновъ, Ипатій Яворскій и ученицы: Евдокія Молдованова, Матрена Садчикова, и Наталья Антонова; Станиславъ Квинто изъ Джульфы, Маруся Климова изъ Кугульты, Вѣра Ванюкова изъ с. Купина, Катя, Вася и Миша Полтавскіе, Женя, Боря и Маргарита Балакшины изъ Кургана, Николай Диго изъ Омска, Соня Кузовкина изъ Александровскаго, Маня Попова изъ Мятлева, Геннадій Яблоцевъ изъ Томска, Ваня и Миша Кульбац-

кіе изъ Чернаго-Яра, Нина и Мура Молодыхъ изъ Омска, Шурета, Митя и Вася Вишеньки изъ Одессы, Лидочка, Димочка и Лелечка Могиланскіе въ Спб., Олюся и Вѣрочка Дитерихсъ изъ Бьернеборга, Коля Капустинъ изъ Выксы Нижег. губ. Оля Торлопова изъ раз. Мингатуй Сиб. ж. д., Муся и Володя Визи въ Спб., Сережа Григорьевъ, Валя Королевичъ, Петръ Василенко изъ Харькова, Е. и В. Серебренниковы изъ Ташкента, Яо-Чи Лифынсянъ—китайскій ученикъ изъ Ташкента, Мура, Вячикъ и Леля Рымкевичъ, Конрадъ, С. Чарноцкій, Сорока-Бѣлобока, Галченко-Крикунъ изъ Суйды, Женя и Юра Петровы изъ Староконстантиновки, Аля Кормилицынъ, Коля Корольковъ, Женя Т. и Япа К. изъ Симбирска, Михаилъ Высотскій изъ Харькова, Нина, Шура и Муся Лоренцъ изъ Спб., маленькій Христофорка изъ Владикавказа, И. Штро, Лиза и Оля Тукманкины, Александръ Берберовъ, Сережа Надежинъ, «Золотая Дѣтка», Ася и Павликъ Мустановы, Боба и Гога Лаппа—Старженецкіе изъ Екатеринбургa, Маня Шкива изъ Ваку, Боря Бураковъ изъ Астрахани, Тани Макаренко, Сережа Тушканчикъ, Шурочка Ивановъ изъ Оренбурга, Женя Стрекоза, Маруся Николаева, Витя Семеновъ, Митя и Германъ, Коля Скляръ изъ Елисаветграда, Валя и Юля Томиловы изъ Твери, Люля Васильева изъ Казани, Миша Кормилицынъ изъ Симбирска, Витя и Тося Быстрицкіе изъ Царицина, Любочка Архангельская изъ Владикавказа, Соня Кузовкина, Капа и Шура Черепановы, Леонилла Карчевская, Миша Суровець, З. Сапожкова изъ Каменецъ-Подольска, Галя Русиловичъ изъ Ковеля, Саня, Оеда и Коля Климъ изъ Монаенокъ, Оля Попель изъ Винницы, Ваня и Коля Шлейны изъ Астрахани Леля и Галина Баженовы изъ с. Выковъ, Юнечка и Рина Менделѣва изъ Севастополя, Гургенъ и Минасъ Лачиновы изъ Елисаветполя, Пава и Сережа Лисенко изъ Елисаветполя, «Сѣверная Птичка» изъ Архангельска, Оля и Женя Павловы изъ Харькова, Люба Павловская изъ Каменецъ-Подольска, Дмитрій Чеканцевъ, Путиловскіе, Соня Симонова изъ Павловска, Женя и Толя Дроновы, Елена Дроздова со ст. Стрѣльна, Тася и Валя Нейшильдъ въ Спб., Витя Дроновъ изъ Новаго Петергофа, Тани Слюжинская изъ Луги, Рита Соломатина, Боря Соколовскій изъ Самарканда, Ната Владимірова изъ Мензелинска, Игорь Максимовъ со ст. Удѣльная, Юля и Ваня Томиловы изъ Твери, Боба Уточкинъ изъ Никольска-Уссурійскаго.

Ребусъ № 10.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоревомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 копѣекъ за экземпляръ). Высылается наложеннымъ платежомъ.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

[С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Перемѣна адреса—28 коп.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.